

Б. П. Миловидов**Военнопленные медики Великой армии**

Опубликовано: Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2006. С. 177–189.

[177] Как известно в 1812-1813 гг. правительство предпринимала активные меры к использованию труда и знаний военнопленных как в военной, так и в гражданской сфере. Среди тех пленников, кого российское правительство стремилось использовать на службе, были и врачи, служившие в Великой армии. Судя по всему, поначалу эта практика складывалась в значительной мере стихийно. Так Генрих Роос, взятый в плен при Студянке 28 ноября (нового стиля) 1812 г. был определен по приказу графа П.Х. Витгенштейна в российскую службу. Этот приказ был отдан на следующий же день после пленения Роза. В госпитале под Борисовым, а затем и в самом городе он «был употребляем при многочисленных раненых и больных по случаю недостатка в лекарях, отправляя должность старшего врача 1 класса с жалованием 750 руб. в год.»¹ В мемуарах он пишет, что на время плена предлагали свои услуги множество врачей; однако принимали не всех, оказывая предпочтение немцам, ссылаясь на некий приказ.² Еще один пленный медик Де Ла Флиз был привлечен к выполнению своих обязанностей также сразу после пленения. Русский офицер прямо на поле боя сказал ему: «Вы можете быть нам полезны, так как наш полковой лекарь убит». Тут же в полевых условиях Флиз стал делать перевязки и операции.³

Вопрос об использовании пленных медиков в широком масштабе был поставлен главный медицинский инспектор по армии Я.В. Виллие в отношении к дежурному генералу П.П. Коновницыну от 23 декабря 1812 г. В связи с тем, что в плену оказались множество медицинских чиновников, Виллие просил, чтобы главнокомандующий М.И. Кутузов утвердил его предложения об использовании пленных врачей. Виллие предлагал употреблять пленных медиков в госпиталях, прежде всего для лечения больных пленных, а в случае надобности и в российских госпиталях под надзором врачей военного ведомства. Виллие просил представить ему список пленных врачей, а так же их самих для распределения по госпиталям. Кроме того, Виллие просил о предоставлении ему права экзаменовывать [178] пленных врачей, желающих вступить в русскую службу, и согласно их способностям определять их в армию. Те же, кто не пожелает вступить в российскую службу, «обязаны будут исполнять оную» принудительно в качестве пленных, причем им предполагалось производить следующее жалование с 1 декабря: Дженетту как главному

доктору неприятельской армии – 5 руб. в день, старшим докторам, старшим лекарям и старшим аптекарям – по 2 руб. 50 коп., «младшим чиновникам сих званий» и старшим их помощникам – по 1 руб. 75 коп., и наконец «младшим помощникам тех званий» - по 1 руб. Интендантское ведомство армии должно было отпускать пленным врачам содержание. Однако же жалование это следовало выплачивать лишь тем, кто будет действительно лечить больных (пленных или российских). Отказавшимся или больным следовало производить лишь половинное жалование. Особо следовало объявить в приказе по армии, а также гражданскому населению, чтобы «никто не осмеливался держать у себя пленных лекарей», а немедленно представить их в полицию, а во избежание злоупотреблений запретить аптекам отпускать лекарства по рецептам пленных врачей без особого предписания врача «привилегированного российским правительством». Исключение из последнего правила могло быть предоставлено лишь тем, кто получит разрешение производить практику в России.⁴

На следующий день 24 декабря Коновницын в отношении к Виллие сообщал, что Кутузов утвердил предложения Виллие, и что коменданту Главной квартиры предписано доставить Виллие список пленных врачей.⁵ Непосредственное заведование пленными врачами было возложено после отбытия Главной квартиры из Вильно на Ф.Ф. Гейрота – главного доктора Виленского и Витебского госпиталей. По всей видимости это было вызвано тем, что наибольшее число медиков оказалось в Вильне.⁶

Распределение врачей по госпиталям происходило разными путями. Часть направлялось непосредственно из Вильно. Так в связи с нехваткой медиков для лечения пленных и ссылаясь на соответствующую инструкцию Виллие, член белостокской врачебной управы надворный советник Михелиси требовал от Виленского главного военного госпиталя присылки врачей. Гейрот направил 6 февраля [179] 1813 г. в Белосток 10 человек медиков, в том числе двух штаб-докторов: Шпонгвилье (Сангвиль, Слонгвилье) и Мерсие (Мерсье), а также штаб-аптекаря Шью (Жио).⁷ Однако пленные врачи устраивались на службу не только в централизованном порядке. Так, главный медик белостокских военно-временных госпиталей коллежский ассессор Полянский доносил, что доктор 3-го класса Шуберт, которого он признает достойным фельдшером 1 класса, добровольно остался служить в российском госпитале. Правда, не имея содержания он находился в крайней бедности, в связи с чем Полянский решил выдать ему пособие в 40 рублей ассигнациями.⁸ В распределении пленных врачей по госпиталям активно участвовали также Военное министерство и Министерство полиции. Вязмитинов, в частности предложил Горчакову использовать в военно-временных госпиталях 160 пленных врачей. В ответ на это Горчаков сообщил 15 марта 1813 г., что находит удобным

употребить их по госпиталям следующим образом: в Псковской губернии 12 чел., в Витебской 8 чел., в Минской 26, Смоленской 12, Могилевской 10, Подольской 4, Виленской 24, Гродненской 2, Белостокской 10, Калужской 10, Тульской 8, Орловской 8, Киевской 6, Полтавской 4, Тамбовской, Рязанской и Владимирской 16 и в Волынской 6 чел. Он предложил Министерству полиции отправить указанное число пленных врачей к начальникам губерний, которые распределят их по госпиталям, «где большая усмотрена будет ими надобность, наипаче судя по количеству пленных». Затем пленные должны были поступить под начальство главных врачей военных госпиталей, которым предписывалось доносить в Медицинский департамент Военного министерства об их «поведении, равно способностях и нуждах». Кроме того, Военное министерство оставляло за собой право в случае необходимости перемещать пленных врачей в другие губернии, а в случае их неспособности к службе представлять об этом в Министерство полиции.⁹

Однако необходимость в квалифицированных медиках ощущалась не только в военных госпиталях. Вязмитинов, констатируя в отношении к министру народного просвещения А.К. Разумовскому от 12 марта 1813 г. наличие множества пленных врачей, остающихся без дела, распространение среди жителей болезней и организацию [180] новых военных госпиталей, где не хватает врачей, предлагает использовать пленных медиков под надзором местных врачебных управ в гражданской сфере. Однако в отличие от военного начальства управляющий Министерством полиции придавал значение тому, что по высочайше утвержденному положению от 15 июля 1810 г. практика врачам, не признанным по экзамену, была запрещена. В связи с этим он предлагал Разумовскому на выбор – либо самому войти в Комитет министров с предложением о временном «в сей крайности» изъятии из этого правила, либо предоставить это ему, Вязмитинову.¹⁰ Разумовский в целом признал полезным меры, предлагаемые управляющим Министерством полиции, однако уклонился от предложения войти с представлением по этому вопросу, предоставив это Вязмитинову. Возможно, такое поведение связано с его довольно скептическим отношением к предполагаемым мерам по привлечению пленных врачей на русскую службу. В ответе Вязмитинову от 17 марта 1813 г. Разумовский прямо высказал свои опасения. «По мнению моему, - писал министр народного просвещения, - между пленными врачами без сомнения есть многие, не имеющие ни основательных познаний, ни достаточной опытности, и вообще нельзя от них ожидать усердия к пользе России». По его мнению, использовать пленных медиков можно только под надзором опытных российских врачей, а право частной практики среди гражданского населения предоставить хорошо зарекомендовавшим себя низшим медицинским чиновникам из госпиталей. Право же частной практики для пленных врачей Разумовский предлагал

ограничить «настоящими обстоятельствами», «по прошествии же оных», в случае, если пленники решат остаться в России, они должны были сдать экзамены.¹¹

Вместе с тем и Виллие не ограничивался привлечением пленных врачей к исполнению своих профессиональных обязанностей. Он стремился создать условия для того, чтобы надолго привлечь их на русскую службу. Так Виллие предложил Медицинскому департаменту обратиться к военному министру с просьбой о назначении врачам, желающим поступить на русскую службу жалования «несколько больше противу нашего классного положения», ограничиваясь однако окладом в 750 руб. (это было по-видимому утверждено, [181] так как Роос получал именно такой оклад), но вместе с тем назначать их на службу в отдаленные от границ места. Одновременно с этим по мысли Виллие Медицинский департамент должен был предложить министру народного просвещения отправить в Вильно несколько адъюнкт-профессоров по медицинской части для принятия у них экзаменов непосредственно в Вильно, либо возложить эти обязанности на Виленский университет. Виллие советовал продумать и другие меры, которые можно употребить для того, чтобы склонить к переходу на русскую службу военнопленных врачей, которые «как в Вильно, так и у частных особ... и между пленными чинами» находятся.¹²

В связи с этим 27 марта 1813 г. Горчаков сообщил министру народного просвещения А.К. Разумовскому о предложениях Виллие по «приобретению хороших для военного ведомства врачей» из пленных и просил организовать для них экзамены, чтобы «тех из них, кои окажутся достойными стяжать звания российских врачей, согласив на военно-медицинскую службу, принять в оную тем званием и теми преимуществами, какие разным врачебным состояниям в России представлены». Стоит обратить внимание на ход мысли Виллие и Горчакова, придававших большое значение профессионализму врачей, – экзамены должны предшествовать предложению поступить на службу. Кроме того, Горчаков просил Разумовского продумать и иные меры, «чтобы склонить к военно-медицинской службе военнопленных врачей как в Вильне, так и у частных [лиц] и между пленными воинскими чинами находящихся».¹³

Изучение биографий врачей Великой армии, оставшихся в России, показывает, что российские власти действительно придавали большое значение квалификации пленных медиков. Так известный мемуарист Д. де ла Флиз в 1815 г. ездил из Черниговской губернии в Москву, в отделение Медико-хирургической академии, где успешно сдал экзамен и получил диплом лекаря.¹⁴ Другой пленный врач и тоже известный мемуарист Генрих фрн Роос 11 ноября 1814 г. по результатам экзаменов был утвержден Императорской Медико-хирургической академией в степени доктором медицины.¹⁵

Впрочем, как писал Роос в мемуарах инициатором сдачи экзаменов и подтверждение своей квалификации выступал он сам (на что у него были свои причины).

[182] Помянутое отношение Горчакова имеет № 1096 и было написано, видимо, в связи с получением в этот день отношения Виллие. Но перед этим в тот же день Горчаков отправил Разумовскому отношение № 1095, посвященное этой же проблеме. Оно вызвано донесением генерал-штаб-доктора Вицмана управляющего военно-временными госпиталями в Калужской и Орловской губернии, который писал, что многие пленные врачи, в первую очередь немцы и поляки, могли бы быть использованы в русских военных госпиталях и просил организовать для них экзамены. Горчаков поддержал просьбу Вицмана.¹⁶ В своем ответе на отношение № 1095, который датирован 31 марта 1813 г. Разумовский сообщил Горчакову о своей переписке с Вязмитиновым и о решении войти в Комитет министров. В частности он направил военному министру копию своего ответа Вязмитинову от 17 марта, где излагались меры предосторожности, которые следовало бы предпринять при приеме пленных врачей на русскую службу. По сути же ходатайства Вицмана, Разумовский предложил «по прежним примерам», производить экзамены пленным врачам на месте, в присутствии нескольких медицинских чиновников по вопросам, присланным из Медико-хирургической академии, куда направлять и ответы претендентов вместе с мнением экзаменаторов.¹⁷

В этот же день 31 марта 1813 г. Разумовский ответил и на отношение Горчакова № 1096. В нем министр народного просвещения поддержал мнение о необходимости экзаменов для пленных медиков, однако признал невозможным откомандирование для этой цели адъюнктов Медико-хирургической академии и сотрудников медицинского факультета Виленского университета, поскольку они заняты преподавательской работой и врачебной практикой. Вместе с тем, он предложил, чтобы пленные, находящиеся в Вильне и ее окрестностях сдавали экзамены в Виленском университете, а прочие отправлялись к Виллие, который мог бы с помощью находящихся при нем медицинских чиновников сам проводить экзамены, относясь затем в Министерство народного просвещения об утверждении пленников в соответствующих званиях. Те же из пленных врачей, кто находится далеко от Вильны и местопребывания Виллие, по мнению Разумовского, можно экзаменовать на условиях, [183] изложенных им ранее в ответе на отношение Горчакова № 1095, то есть, создавая особые экзаменационные комиссии.¹⁸

А уже на следующий день, 1 апреля 1813 г. С.К. Вязмитинов разослал от имени Министерства полиции циркулярное предписание, согласно которому со ссылкой на высочайшую волю губернаторы должны были предложить военнопленным медицинским чинам вступить в российскую службу, с тем, что они «будут определены в войски и

гошпитали с производением по трудам их жалования». О всех тех, кто согласится на это предложение, губернаторы должны были сообщить в Министерство полиции.¹⁹ Реакция пленных медиков на предписание 1 апреля 1813 г., была, как стати сказать, не однозначная. Так Санкт-Петербургский гражданский губернатор 10 июня 1813 г. доносил, что находящиеся в Нарве пленные лекари «в службу, наипаче в полки, вступить не желают и в кондичии ни в какие вступить не хотят, поелику по окончании войны намерены возвратиться в свое отечество», но заявили, что «на случай, есть ли угодно будет употребить их для пользования больных, согласны».²⁰ Как видно, пленные хорошо различали выполнение своего долга как медиков и службу на стороне противника.

Не смотря на наличие норм снабжения пленными врачами, утвержденных Кутузовым, на практике дело обстояло далеко не блестяще.

19 мая 1813 г. управляющий Военным министерством князь А.И. Горчаков направил в Комиссариатский департамент предписание о порядке производства денежного содержания пленным врачам. Горчаков требовал в частности руководствоваться постановлением, утвержденным Кутузовым 24 декабря 1812 г., «наблюдая однако ж, чтоб никакое продовольствие другого рода при производстве постановленных кормовых денег, исключая квартирные, не имело места». Горчаков указал в частности, что он уже и ранее предписывал Комиссариатскому департаменту производить некоторым пленным врачам указанные кормовые деньги. Теперь же он направлял в Комиссариатский департамент обширный список служащих в госпиталях пленными врачами, представленных ему Медицинским департаментом. Всем указанным в списке врачам надлежало выплачивать полагающиеся им деньги, следя при этом, чтобы они ничего более кроме квартирных не получали. То же относится [184] и к служащим пленными врачам, о которых пока Медицинскому департаменту неизвестно. Выявление таковых возлагалось на комиссариатские комиссии, в ведении которых состояли госпитали на территории империи.²¹

Не ясно по какой причине, но после интенсивной переписки о привлечении пленными врачами на русскую службу или просто на работу в госпиталях, разрешение этого вопроса было надолго отложено. Возможно сыграло свою роль то, что в связи с приостановкой движения пленными и с наступлением весенне-летнего периода произошло некоторое снижение заболеваемости и вопрос потерял былую остроту. Тем более, де факто практика использования пленными медиками существовала. Об этом говорит хотя бы биография Рооса, который помимо работы в госпиталях без всяких экзаменов с апреля 1813 по январь 1814 г. занимал должность борисовского уездного доктора.²²

Вязмитинов, обещавший в марте 1813 г. войти с соответствующим представлением в Комитет министров, сделал это только на рубеже 1813-1814 гг. Изложив свою переписку почти годовой давности с А.К. Разумовским, главнокомандующий в Санкт-Петербурге испрашивал у Комитета разрешение «на употребление пленных врачей к пользованию больных под надзором наших экзаменованных врачей». Комитет на заседании 9 января 1814 г. разрешил подобную практику с тем, чтобы «отличившимся своими трудами и искусством производимо было сверх положенного пленным содержания пристойное по усмотрению начальства денежное вознаграждение». ²³ По всей видимости речь шла прежде всего об использовании пленных в лечении гражданского населения, с учетом того, что вопрос о вознаграждении пленных врачей в госпиталях, подчиненных военному ведомству был решен еще в конце 1812 г.

Об остроте ситуации с врачами, обслуживающими гражданское население, зимой 1813-1814 гг. говорит и записка генерал-штаб-доктора по гражданской части, представленная Вязмитинову в январе 1814 г. В ней была нарисована весьма безотрадная картина: «Небезызвестно, с каким трудом замещаются вакантные места врачей по губерниям, сколь много терпит служба чрез откомандировку медицинских чиновников от настоящей их должности для [185] временного занятия вакантных мест, и наконец, сколь часто вынуждаемо бывает правительство употреблять на службу вольных врачей, нарушая их выгоды. Сверх того, весьма малое жалование, получаемое медицинскими чиновниками гражданской части и непрестанные разъезды по службе лишают их всякой возможности улучшить свое состояние, а по сим причинам и число их ежедневно убывает». Врачи иностранцы, которых приглашали на службу, по большей части были заняты по военному ведомству. Однако, по мнению генерал-штаб-доктора, имеется возможность привлекать в гражданское ведомство врачей из военнопленных, желающих вступить в русское подданство и службу. Этому препятствуют правила об экзаменах медицинских чиновников, утвержденные 15 июля 1810 г., согласно которым претенденты наряду с медицинскими дисциплинами должны были знать минералогию, физику, ботанику и химию. «Со всею вероятностью предполагать можно, - отмечал генерал-штаб-доктор, - что сии врачи при выходе из университетов имели достаточные познания во всех частях, входящих в состав медицинской науки, но через несколько лет деятельной жизни, посвященной единственно опытной медицине, должны были познания сии несколько изгладиться из их памяти, не причинив, впрочем, никакого вреда существенным их дарованиям и искусству». Необходимость сдачи экзаменов по непрофильным и уже позабытым предметам может отпугнуть пленных медиков от столь желаемого правительством вступления в русскую службу. В связи с этим генерал-штаб-доктор

предлагал, чтобы Медико-хирургическая академия и университеты принимали во внимания аттестаты иностранных университетов и ограничивались бы экзаменами по анатомии, физиологии, хирургии, патологии, терапии и «материи медики» с «анатомической демонстрацией и хирургической операцией».²⁴ 28 января 1814 г. Вязмитинов запросил по этому поводу мнение Разумовского.²⁵ В своем ответе 4 февраля вновь занял двойственную позицию, не пожелав брать на себя ответственность за решение. «Я несколько раз, пишет он, - соглашался на отступление от предписанного порядка испытания врачей, дабы не затруднять приема в службу столь нужных для оной медицинских чиновников, но сделать положение, переменяющее само существо положенного испытания, [186] я нахожу невозможным потому только, что оно установлено высочайшим утверждением». Однако, не смотря на это министр народного просвещения находил указанные предложения весьма основательными, если их распространить только на пленных врачей и предложил Вязмитинову внести этот вопрос в Комитет министров.²⁶

Между тем, не смотря на всю эту активную межведомственную переписку, ректор Виленского университета сообщал Разумовскому еще 4 февраля 1814 г., что у него нет до сих пор распоряжения о порядке проведения экзаменов для пленных врачей, которые туда обращаются с подобными просьбами²⁷. В ответ Разумовский 19 февраля сообщил, что просьбы о сдаче экзаменов пленные должны направлять к гражданским властям, в частности в Министерство полиции, в ведении которого они находятся. Экзамены же следует проводить на основании ранее утвержденных общих правил.²⁸

Комитет министров рассмотрел на своем заседании записку Вязмитинова, где были изложены предложения генерал-штаб-доктора по гражданской части и реакция на них министра народного просвещения только 17 апреля 1814 г. и согласился с предложенным упрощенным порядком сдачи экзаменов пленными врачами.²⁹

Однако информация об этом решении была направлена Разумовским в Медико-хирургическую академию и в университеты только 16 июля 1814 г.³⁰ Такая задержка, возможно, была связана с тем, что журнал Комитета не был оперативно рассмотрен и утвержден императором, отсутствовавшим в столице.

Тем временем война закончилась и военнопленные медики на общих основаниях вместе с прочими пленными возвращались домой. В России остались лишь некоторые, например Де Ла Флиз и Роос.

Следует обратить внимание на то, что пленные врачи пользовались в российской провинции большой популярностью. Об этом пишет отбывавший плен в Саранске вюртембергский офицер Йелин. Успех этот имел объяснение - в городе не было ни врача,

ни аптеки. Одному врачу даже настойчиво предлагали остаться в городе на выгодных условиях, впрочем он тоже не согласился.³¹ О большой популярности в Саранске пленных немецких медиков пишет и Зоден. Он сообщает также, что один офицер шутки ради стал выдавать себя за врача-однофамильца, также находившегося в этом [187] городе.³² Впрочем, однажды пациент отказался платить за услуги, так что пленным пришлось обращаться за помощью к властям.³³ Впрочем, не все хорошо относились к пленным медикам. «Меня порою огорчали и даже задевали лично, - пишет Роос в мемуарах, - и делали это люди, которые вследствие надобности во врачах отправлены были в армию или в госпитали еще не закончив своего медицинского образования, и по невежеству приравнивая нас к простым пленным, полагали, что к нам можно относиться пренебрежительно, и хотели понравиться благодаря своей национальной гордости или знанию родного языка». Именно из-за этого летом 1813 г. Роос обратился к властям с просьбой разрешить ему сдать экзамен и отпустить его для этого в Вильно, о чем уже шла речь выше. Более того, он обратился в связи с этим с жалобой к доктору Витту, который находился при действующей армии.³⁴

Таким образом, идея привлечения к службе военно-пленных врачей была вызвана острой необходимостью и исходила снизу от самых разных лиц. Во-первых, такое привлечение совершалось де факто в условиях боевых действий при наличии большого количества раненых и больных, как российских, так и пленных. О привлечении пленных врачей к службе, хлопотали и в белостокских госпиталях, и в орловских и калужских. На армейском уровне об этом думал еще в декабре 1812 г. главный медицинский инспектор по армиям Виллие. Однако вскоре, в марте 1813 г. он выдвинул идею не просто использовать пленных медиков, а на постоянной основе привлекать их в русскую службу, подвергая предварительному экзамену. Эта же мысль тогда же высказывалась и Вязмитиновым, когда речь шла о возможном использовании пленных медиков для лечения гражданского населения.

Как видим, основным мотивом привлечения военнопленных медиков к службе была острейшая нехватка медицинского персонала в армии, что усугублялось помимо всего прочего и огромным количеством больных военнопленных Великой армии, которые нуждались в медицинской помощи и по российскому законодательству должны были получать ее (значительная часть пленных медиков обслуживала как раз пленных).

Видно, что боролись две тенденции – настоятельная потребность в медиках и опасения в недостаточной квалификации и чуть ли не в [188] неблагонамеренности пленных врачей. Эти тенденции присутствуют в переписке у всех высших чиновников империи, занимавшихся этим вопросом. Однако у Горчакова, Вязмитинова и Виллие,

постоянно сталкивавшихся в своей служебной деятельности с нехваткой медицинского персонала, мотив необходимости привлечения пленников на службу России явно преобладал. Министр же народного просвещения, в задачи которого входил контроль за квалификацией медиков, придерживался гораздо более осторожного мнения.

Еще один важный момент – как всегда в это время практика шла вперед административных предписаний. Это видно, в частности, по тому, что Роос долго исполнял должности уездного врача без всяких экзаменов. Да и само привлечение пленных медиков в работе в армии среди военных происходило до всяких предписаний, то есть еще до декабря 1812 г. Хотя в мемуарах Рооса и упоминается некий приказ о привлечении пленных врачей к службе, но на каком уровне он был отдан, неизвестно. Следует отметить, что и в наполеоновской армии привлекали к службе российских пленных врачей. Тот же Роос, например, сообщает, о своем знакомстве с доктором Винцманом, уроженцем Гессена, который находясь в русской армии был взят в плен около Витебска, «должен был отправлять» у французов службу, а потом вновь попал в плен – вновь к русским – при Березине.³⁵

¹ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-33

² Роос Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. М., 1912. С. 274-279.

³ Де Ла Флиз Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 78.

⁴ Французские военнопленные медики на работе в русских военных госпиталях (1813-1814). Из фондов РГВИА. // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 6. М., 2005. С. 144-145.

⁵ Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 8. М., 1904. С. 331.

⁶ Французские военнопленные медики... С. 145

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 147

⁹ Там же. С. 148-149

¹⁰ РГИА Ф. 733 Оп.99 Д. 42. Л. 1

¹¹ Там же. Л. 2

[189]

¹² Французские военнопленные медики ...С. 147-148. Документ, к сожалению, не датирован, но судя по ответу Горчакова, он был получен 27 марта 1813 г. и относится к середине - второй половине этого месяца.

¹³ Там же. С. 149-152. РГИА Ф. 733 Оп.99. Д. 42. Л. 3

¹⁴ Карташов В.С. Судьба Доминика де ла Флиза // Эпоха 1812 г. Источники. Исследования. Историография. Вып. IV. М., 2005. С. 81.

¹⁵ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-34.

¹⁶ РГИА Ф. 733 Оп.99 Д. 42. Л. 7

¹⁷ Там же. Л. 8

¹⁸ Французские военнопленные медики... С. 153; РГИА Ф. 733 Оп.99 Д. 42. Л. 5.

¹⁹ РГИА Ф. 1286 Оп.2 1812 г. Д. 176. Л. 52.

²⁰ Французские военнопленные медики... С. 156

²¹ Там же. С. 155

²² РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-33.

²³ РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 56 Л. 115-116.

²⁴ РГИА Ф. 733 Оп. 99 Д. 42 Л. 10-13.

²⁵ Там же. Л. 9

²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 16

²⁸ Там же. Л. 17

²⁹ РГИА Ф. 1263 Оп.1 Д. 59 Л. 278.

³⁰ РГИА Ф. 733 Оп. 99 Д. 42 Л. 18.

³¹ In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910. S. 86-87

³² Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg. 1832. S. 110-112

³³ Ibid. . S. 113

³⁴ Roos H., von. Ein Jahr aus meinem Leben oder Reise von den westlichen Ufern von Donau an die Nara, suedlich von Moskwa und zurueck an die Beresina mit der Grossen Armee Napoleons im Jahre 1812... Spb, 1832. S. 337

³⁵ Роос Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. М., 1912. С. 278